

ЧЕШСКИЙ ПРОЕКТ СЛАВЯНСКОГО КОНГРЕССА В ПЕРЕГОВОРАХ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИИ В 1871 ГОДУ

Победа Пруссии над Францией и образование Германской империи стали предпосылкой осложнения славянской проблемы в Австро-Венгрии. Антиславянская политика австрийских немцев получила новую опору в лице Германской империи, стремившейся под флагом пангерманизма оказывать давление на внутренние дела Австрии. Актуализировалась угроза аншлюса. Были подорваны надежды, которые в некоторых славянских кругах возлагались на Францию, и в этой связи наметился большой крен в сторону России. В сентябре 1870 года лидер хорватских либералов Штросмайер, встретившись с русским послом в Вене Новиковым, доказывал ему необходимость славянской солидарности перед лицом германской угрозы. Подобного рода тенденция проявилась и в среде поляков. Автор опубликованной в начале 1871 года брошюры, приписываемой перу Зигмунта Велипольского, утверждал, что Германия планирует использовать русско-польскую рознь в интересах захвата балтийских владений России. Только урегулировав отношения с поляками и примирившись с Царством польским, Россия может противостоять Германии вплоть до риска войны с ней. Автор рисовал перспективу спасного для России союза между Германией и Австро-Венгрией, связанных друг с другом существенными интересами, и эфемерность расчетов на сближение России и Германии, между которыми существуют лишь династические связи¹. У более левого крыла славянского движения руссофильство окрашивалось в критические тона, сопровождаясь оговоркой, что, лишь освободившись от деспотизма, Россия обретет способность оказывать помощь другим народам.

Однако германская угроза ощущалась в неодинаковой степени в разных славянских землях габсбургской монархии. В Галиции на первый план выступали украинско-польские противоречия. Австрийские правящие круги из внешнеполитических (создать опору в пограничной с Россией полосе) и внутрисполитических (раскол славянского лагеря) соображений шли на значительные уступки польским помещикам, вербуя из них апологетов режима угнетения основной украинской части населения Галиции. Поэтому австрийские пангерманисты избегали острой постановки вопроса о германизации Галиции и польская шляхта, хотя и опасаясь укрепления Германской империи, в большей степени боялась так называемого русского панславизма.

В Хорватии же, как и в других славянских владениях Венгрии, над славяно-германскими превалировали славяно-мадярские противоречия. К тому же размах движения ряда славянских народов сковывался их социально-экономической отсталостью. Из славян габсбургской империи наиболее активно восприняли перемены, вызванные франко-прусской войной, чехи. Русский посол Новиков писал из Вены, что вопрос о Богемии это «гвоздь современной ситуации» в Австрии². Уже в адресе, который богемский сейм направил 8 декабря 1870 года Францу-Иосифу, настаивая на поддержке Франции, наряду с профранцузскими выражались и прорусские симпатии, хотя во время войны Россия занимала объективно неблагоприятную для Франции позицию. Чешский адрес приветствовал декларацию Горчакова от 30 октября о ликвидации черноморских ограничений для России³.

В славянских кругах полагали, что Россия использует свой нейтралитет в войне, выгодный Пруссии, чтобы добиться с ее помощью пересмотра Парижского трактата 1856 года и постановки восточного вопроса, что соответствовало бы интересам всех славян, угнетаемых Турцией и Габсбургами. Нота Горчакова подогрела эти надежды. Чешская газета *Narodni Listy*, приветствуя решение России, подчеркнула, что южные славяне рассматривают восточный вопрос как «чисто славянский», от которого зависит «судьбы всего южнославянского мира»⁴.

В русской печати чешский адрес вызвал положительные отклики, но официальные круги Петербурга, не желая осложнять свои отношения с Австро-Венгрией, предпочли не реагировать на него. Это разочаровало чехов. В еще большей степени они были разочарованы фактом обмена Александра II и Вильгельма I дружественными заверениями по окончании войны: рушились их надежды на конфликт между германизмом и

панславизмом, который вынудил бы Россию активизировать свою помощь чехам. Наметилось желание компенсировать несбывшиеся надежды на Россию «привлечением поляков к общеславянскому делу», что предполагало предварительное примирение их с Россией⁵.

После дуалистической реформы 1867 года конфликт чехов с правящими кругами Австрии приобрел новую остроту. Чехи отказались признать конституцию 1867 года, настаивая на признании своих исторических государственных прав. Когда австрийское правительство прибегло к репрессиям, чехи ответили бойкотом парламента и других центральных австрийских учреждений. Формирование в феврале 1871 года в Австрии правительства Хоэнварта, обещавшего вступить в переговоры с чехами, актуализировало в глазах последних задачу изыскания дополнительных средств давления на правительство, чтобы достичь успеха в ходе переговоров.

7 марта 1871 года один из влиятельнейших старочешских лидеров Франтишек Ригер нанес визит Новикову. Он сообщил послу, что приехал в Вену по вызову правительства для участия в совещании о мерах по восстановлению внутреннего мира в Австрии путем предоставления автономии славянским народам и ограничения немецкой гегемонии⁶. Ригер заявил, что всегда желал серьезного согласия между Россией и Австро-Венгрией, видя в этом необходимую предпосылку осуществления национальных чаяний славянства. Создание правительства Хоэнварта, «благожелательного славянам», как ему кажется, благоприятствует этому. Но чехи обеспокоены сближением России с Германией. Новиков стал уверять собеседника, что продемонстрированная обменом телеграммами монархов интимность русско-пруских отношений, наоборот, благоприятна для чехов, поскольку она обязывает кайзера воздерживаться от всего, что может ущемить чувства и интересы России и, следовательно, от всякой мечты о расширении германской империи за счет чехов.

Ригер согласился со справедливостью этого соображения, но настаивал, однако, что сама сила вещей заставит Германию рано или поздно завершить свое объединение и попытаться поглотить Цислейтанию. Поэтому Богемия, «которая испытает первый удар германской агрессии, должна подготовиться заранее». Усилия чехов в этом случае, продолжал Ригер, будут обречены на неудачу, если поляки окажутся их врагами, ибо Германия постарается тогда привлечь их на свою сторону. Он предостерегал при этом неизбежность вовлечения России в войну, поскольку она «не сможет допустить уничтожения Богемии, аванпоста славянства, без ущерба для своей высокой миссии покровительницы славянского мира». Кроме того, ее побудит к вмешательству «революция в Польше, подготавливаемая германизмом». Следовательно, необходимо заранее нейтрализовать и разоружить поляков с помощью уступок. Нынешний момент, когда прусские победы сорвали расчеты определенных польских кругов «на восстановление Польши под французским покровительством», благоприятствует подобному соглашению. В Познани, развивав свою мысль Ригер, поляки начинают поворачиваться в сторону России, ища в ней спасение от разрушительной силы германского давления. В Галиции постепенно складывается партия, стремящаяся к примирению с Россией, в ее рядах князь Леон Сапега, порвавший с настроениями 1863 года. Опираясь на все сказанное, Ригер предложил созвать в Праге или в другом месте конгресс славянского примирения, в котором приняли бы участие польские и русские делегаты, а чехи играли бы роль посредников.

Попутно Ригер сформулировал и свое представление о конечной цели славянского движения, сказав, что его программа сводится к объединению славянского мира на федеративной основе, которое трансформирует также Россию. Что касается Австрии, то ее дни сочтены. «Но это предвидения довольно отдаленного будущего, — оговорился чешский деятель, — а в настоящий момент важно быстрое примирение поляков и русских для неизбежной войны с германизмом»⁷. В этой схеме сказывалась идея слияния Польши с Чехией.

Новиков испытал определенные колебания, его тревожило, что не получив поддержки России, чехи, в поисках других средств против германской угрозы, пойдут на создание обособленной славянской конфедерации во главе с габсбургами. В то же время, соприкасаясь тесно лишь с буржуазно-аристократическими элементами чешского движения, посол считал маловероятными республиканские тенденции среди чехов. «Если в Австрии имеются республиканцы и социалисты, — писал он Горчако-

ву, — их нужно искать скорее среди немцев... Не в натуре, не в традициях славян быть республиканцами»⁸.

Александр II и Горчаков держались другого мнения. Донесение посла о разговоре с Ригером испещрено резкими критическими пометами царя. Горчаков отрицательно реагировал на инициативу чехов. Он обвинял их в желании сыграть роль, которую Пьемонт сыграл в Италии, а Пруссия в Германии, в стремлении создать в будущем единое и притом республиканское государство славян. Этапом к этой цели может стать славяно-дунайское государство, о котором ведутся разговоры сейчас и которое может втянуть постепенно в сферу своего воздействия Польшу, Буковину, Трансильванию, Румынию, Кroatию, Сербию, Черногорию, Боснию⁹. То что Хоэнварт, которому не могли быть неизвестны планы чехов, обнаруживал желание достичь соглашения с ними, внушало Горчакову подозрение о возможных намерениях Хоэнварта использовать чехов в антирусских целях. Новиков, кстати, тоже подозревал, что Хоэнварт стремится преодолеть призрак русского панславизма австрийским¹⁰.

Распад австрийской империи, осложнявший польскую проблему и русскую политику на Балканах, не входил в планы России. «Среди славян, находящихся под австрийским скипетром, — уверял Горчаков, — мы никогда не старались сеять семена возмущения или мятежа против существующей власти»¹¹. После Парижской Коммуны в правящих сферах России особенно возросла заинтересованность в стабилизации консервативных монархических устоев в Европе. Царизму претила перспектива существенных уступок полякам, которые могли бы подогреть их стремление к восстановлению Польши. В проявлении всякого рода федералистских тенденций Горчаков усматривал подрыв самодержавных основ Российской империи, на которых, по его убеждению, базировалась мощь России. Противовес германской угрозе в Петербурге предпочитали искать в соглашении с Германией, в союзе легитимных монархий.

В официальных кругах Петербурга вместе с тем были недовольны бойкотистской тактикой чехов, которые, как писал Новиков, вместо того, чтобы содействовать своим союзникам в борьбе против немецкого централизма «с упорством, достойным лучшего применения, добровольно отстранились от политической жизни Австрии»¹². Тактика чехов критиковалась и русской печатью разных направлений. «Московские ведомости» с панславистских позиций упрекали их в национальном эгоизме, в равнодушии к установлению в результате автономии Галиции «господства поляков над русскими»¹³. Радикальная «Неделя» тоже считала, что чехи совершают ошибку, впадая «в исключительность, в преувеличенный культ своей национальности», но одновременно критиковала и славянофильство, которое своими претензиями на главенство России в славянском мире наносит ущерб отношениям с чехами. «Нужно ускорение среди русской интеллигенции духа научного и социального прогресса в славянском во-просе, — заключала газета¹⁴.

Новикову было дано указание ничем не обнадеживать чехов и воздерживаться от всякого вмешательства в их деятельность. При последующей встрече с Ригером Новиков, в соответствии с духом петербургских указаний, строго очертил пределы возможного сочувствия России чехам двумя условиями: во-первых, чтобы они не способствовали своим занятием с поляками разжиганию польского движения, во-вторых, чтобы их национальные стремления не выливались в «разрушительные политические или социальные доктрины». Ригер поторопился заверить, что всякое ослабление России опасно для чехов, ибо нарушит европейское равновесие в пользу Германии. Поэтому проектируемый славянский конгресс не должен затронуть интересов России, но будет побуждать поляков к общеславянскому сплочению. Что касается радикальных доктрин, то старочешский лидер пытался убедить посла, будто в Богемии вообще отсутствует для них всякая почва. Там существует тесное единение низов и консервативных собственнических элементов, рабочие ассоциации далеки от Интернационала и базируются на принципах взаимопомощи в духе Шульце-Делича, барьером для крайних доктрин служат также религиозные чувства народа¹⁵. Успокоительные заверения Ригера не смогли изменить отрицательного отношения Петербурга к идеям славянского конгресса и русско-польского соглашения.

Тем не менее контакты чешских лидеров с русским посольством в Вене продолжались. В октябре 1871 года Новикова посетил влиятельный богемский аристократ граф Хоррах и почти повторил все, что посол уже

слышал из уст Ригера и Полацкого. Он выражал надежду на одобрение Россией внутренних преобразований в Австрии, имеющих целью избавить славян от гегемонии немцев и венгров, тем более, что эти преобразования будут, мол, благоприятствовать сближению Австро-Венгрии с Россией и достижению, следовательно, компромисса на Востоке¹⁶. Через несколько дней Новикова снова посетил Ригер. Посол уверял его, что позиция нейтралитета, занятая Россией приносит реальную помощь чехам, ибо она лишает Германию всякого повода для вмешательства во внутренние дела Австрии¹⁷.

Жупел германской угрозы не вызывал в Петербурге панических настроений. Здесь считали, что Германия нуждается в передышке после нелегкой войны; что ей опасно увеличивать число врагов новой агрессивной против европейских стран, имея потенциальным противником побежденную Францию; что, находясь в конфликте с папой и католической церковью, Бисмарк не мог быть заинтересован в присоединении к Германской империи новых областей с католическим населением; наконец, как Бисмарк неоднократно заверял, Германия нуждалась в сохранении австро-венгерской империи.

Русская дипломатия, не поддерживав чешских планов примирительного славянского конгресса, вместе с тем сохраняла заинтересованность в чешских делах. Осенью 1871 года Горчаков советовал Бейсту пойти на уступки чехам¹⁸. Другое дело, что этот шаг был подсказан желанием перенести центр тяжести маневренной славянской политики Австрии из Галиции на более «безопасное» для интересов царской России направление.

¹ См.: Wereszyski H. Sojusz trzech cesarzy. Geneza 1866—1872.— Warszawa, 1965, s. 302—303.

² Новиков—Вестману, 22 мая (3 июня) 1871 г.— Архив внешней политики России (АВПР), канц., 1871 г., д. 121, л. 26.

³ См.: Bigske E. Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert.— Köln—Graz, 1960, S. 336.

⁴ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.— М., 1970, с. 277.

⁵ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 36.

⁶ Новиков — Горчакову, 24 февраля (8 марта) 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 142—143.

⁷ Там же, л. 146—151.

⁸ Там же, д. 122, л. 59—62.

⁹ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 37—38.

¹⁰ АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 196—197.

¹¹ Там же, л. 369 — Горчаков — Новикову, 1(13) марта 1871 г.

¹² Там же, 1872 г., д. 106, л. 106.

¹³ Московские ведомости. 12(24) февраля 1872 г.

¹⁴ Неделя, 1(13) ноября 1872 г.

¹⁵ АВПР, канц., 1871 г., д. 121, л. 27—29.— Новиков — Горчакову, 22 мая (3 июня) 1871 г.

¹⁶ Там же, л. 265—270.

¹⁷ Там же, л. 282.

¹⁸ Wereszyski H. Op. cit., s. 306.